

Влас Михайлович Дорошевич

Заём

Влас Михайлович Дорошевич

Заём

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22122274

Аннотация

«Заставим служить новой России лучшего из слуг старого режима.

Единственного государственного человека этого режима.

Самого умного, самого талантливого...»

Содержание

I	4
II	7
III	10
IV	11
V	18

Влас Дорошевич

Заём

I

Заставим служить новой России лучшего из слуг старого режима.

Единственного государственного человека этого режима. Самого умного, самого талантливового.

С. Ю. Витте.

Пусть в эту трудную, эту роковую минуту человек, умевший находиться в трудные минуты, из-за гроба подаст нам совет.

Как был спасён на краю гибели старый строй в роковое для него время 1905–1906 гг.?

Как спасаются всякие режимы. Как спасается всякий строй.

Витте на это отвечал откровенно, спокойно, ясно:

– Перед нами стояли два вопроса. Армия и деньги. Как вернуть из Маньчжурии армию? Озлобленную неудачной войной, революционно настроенную. Она совершила бы переворот.

Второй вопрос был – как достать денег.

– Обезвредить армию нам удалось. Благодаря расстоянию.

Мы её вернули par les petits paquets.

Витте почему-то по-французски говорил это: маленькими количествами.

– По дороге мы её разоружали. И, вместо армии, в Россию вливались маленькими струйками горсточки безоружных обывателей. И рассасывались в стране. Впитывались. Как капли дождя в песок. Армия была возвращена. За армию мы были спокойны. Эта опасность исчезла. Оставалась другая, такая же огромная. Достать денег. И это сделал я!

– Он думает...

Витте произносил: думает, слушает, пишет:

– Коковцев думает, что деньги достал он! Деньги дали мне. Заём подготовил я! А он только съездил за деньгами.

Гр. Витте говорил о гр. Коковцеве со злобой, с уничтожающей иронией.

– Это всё равно, что какому-нибудь фабриканту согласятся дать в банке под вексель 100.000 рублей, он пошлёт с векселем артельщика получить деньги, а тот и станет уверять: «Деньги дали мне! Вот какой у меня кредит!» Деньги дали мне. Я подготовил заём. А он... Вместо него, можно бы послать просто артельщика за получением. Толк один и тот же. А стоило бы дешевле. Проезд по второму классу туда и обратно и 200 рублей наградных. Только и всего.

– А когда русские подняли агитацию в Париже, чтобы нам денег не давали, – они знали, что делали. Они знали, что это будет для строя смертельный удар. Знали, что бьют по само-

му больному месту. Под сердце.

– Но когда армия была больше не страшна, а заём удался, – строй был спасён. Даже больше, чем я предполагал и... хотел.

Он всегда говорил, указывая на сердце:

– Здесь я за самодержавие.

Но это...

Он указывал на лоб!

– Это говорит мне, что нужно другое.

– Строй был спасён. Больше нам ничего не было страшно.

Так был спасён старый строй. Так уцелел в роковую для него минуту старый режим.

Так спасаются все строи. Все режимы.

Старые и новые.

II

Новая Россия за свою армию может быть спокойна.

Её армия революционна.

Её армия стоит и станет на страже свободы.

Но какое бы у нас ни было министерство, – коалиционное, социалистическое, – без денег оно ничего не сделает и ничего не спасёт.

Эти проклятые машины, день и ночь печатающие и не успевающие печатать для нас кредитки, – это кузница, где неумолчно куётся гибель России, гибель всех нас, гибель нашего достояния, гибель всей жизни.

Это куют каторжные цепи, – разорения, долгов, нищеты, – для наших детей.

Выслушаем снова слова Витте:

– Заём был необходим для спасения строя. Ведь, не слушать же было тех идиотов, «сторонников бумажных денег», которые говорили: «Ишь! Машин накупили, а денег не печатают!»

Словно с вершины высокой горы на нас несётся снежный обвал.

Огромный снежный ком, который всё растёт и растёт, летит всё быстрее и быстрее.

И скоро, – и через несколько месяцев, – обрушится на нас, раздавит, расплющит нас вдребезги и похоронит под собой.

Мы в заколдованном, мы в огненном кругу.

Из которого нет выхода.

Ведь, это две чашки весов.

На одной лежит рубль. На другой лежит товар.

Чем ниже падает рубль, тем больше повышается всё в цене.

Скоро рубль не будет стоить ничего.

Мы будем сидеть голодные, нищие среди груд мусора, ничего не стоящего сора, – наших кредитных бумажек.

Мы похожи на промотавшегося мота, на спившегося пьяницу, на потерянного человека, который сам махнул на себя рукой.

Всё равно, завтра – или пулю в лоб, или в долговое.

Ведь, кредитный билет – это вексель.

И мы «подмахиваем», «жарим» векселя.

Сегодня подмахивали на сто рублей – за пятьдесят.

Завтра будем подмахивать за сорок.

Скоро – за четыре, за два рубля.

– День да ночь – сутки прочь.

Лишь бы сегодня прожить.

Лишь бы сегодня пожрать.

И кто же это делает?

Страна, полная богатств.

Страна, полная людей, сильных, здоровых, могучих, которые жаждут жизни, труда.

И когда? Когда?

Мы никогда ещё не выходили на историческую арену так, как выйдем теперь, завтра.

Трезвыми и свободными.

Что сделает в мире трезвая и свободная Россия!

Какая будущность нас ждёт! Ждёт эту новую Россию.

И мы её режем.

Мы заковываем в цепи, которые куются на этих проклятых, без умолку работающих мусорные кредитки машинах, — заковываем в цепи нищеты, неоплатных долгов, разорения.

Рабства.

Ибо нищета всегда рабство.

Для спасения новой России, как для спасения всякой страны, всякого строя, всякого режима, одно средство:

– Деньги.

Заём.

Прекратить работу проклятых машин.

Займом выловить часть наших векселей.

Чтоб повесить их цену.

Чтоб не писать каждую минуту новых.

III

Цена нашего спасения?

Шесть миллиардов.

– Это было бы совсем хорошо.

Я привожу не свои слова.

У нас собрали всего один.

Остальные пять у вас оставались в карманах.

Но потому, что собрано всего один, эти оставшиеся у вас
пять миллиардов стоят всего два с половиной!

Два с половиной миллиарда вы потеряли.

Вы обесценили собственные же деньги.

Выгодная финансовая операция!

Вас истинно можно поздравить.

IV

В первый день Пасхи, на заседании комитета по распространению займа, бритый молодой человек английской складки г-н Терещенко говорил застенчиво, – быть может оттого, что он был вновь министром:

– Заём должен быть принят не только сочувственно. Этого мало. Он должен быть принят с энтузиазмом.

Прекрасное, горячее чувство!

Только всё было сделано, чтоб его потушить.

На эти загоревшиеся дрова сразу вылили ушат воды.

И теперь из всех сил раздувают полупотухшие головни.

Какой чад тогда поднялся!

Заколебались социалистические круги, а с ними рабочие и те крестьяне и рабочие, которые одеты сейчас в солдатские шинели.

– Заём...

– А не родной ли он брат «тому кобелю, которого вы знаете», – как говорится в «Ревизоре».

– Заём «свободы». Гм... свободы.

А то вот они военными всё назывались.

Как будто, кроме войны, у страны, перед которой стоят великие, небывалые в истории задачи, – мало надобностей, мало нужд!

Ведь, всё старое рухнуло, рассыпалось в прах, в гниль.

Ведь, перед нами даже не пустое место.

Перед нами груды никуда не годного щебня, мусора, дряни, навоза.

Всё это нужно расчистить.

Выкорчевать старые сгнившие сваи, старый гнилой фундамент. А потом приняться закладывать новый, возводить новое здание.

И в стране рассыпался весь аппарат, которым она собирала доходы. Ниоткуда ничего не поступает. А требования со всех сторон растут. И справедливо, и законно растут. Преемное государство платило гроши, держало своих мелких, но бесчисленных слуг впроголодь, а жизнь вздорожала и дорожает с каждым днём.

Со всех сторон несутся крики:

– Справедливости!

Справедливые крики, – потому что голодные.

А социальная справедливость выражается, прежде всего, в денежных знаках.

И при таких обстоятельствах неужели только на продолжение войны стране нужны деньги?

Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов с трудом и нехотя благословил заём.

Социалистические газеты не хотели печатать объявлений о нём.

К бесчисленным русским «долям» прибавился ещё один, очень ходовой:

– Долой заём!

Хотелось крикнуть:

– Граждане социалисты! Старый режим долго заставлял вас есть горький хлеб изгнания. Вы жили на Западе. Вы знаете, что там принимаются в расчёт только те общества, в которых есть хоть какой-нибудь членский взнос. Общества, куда всякий безданно, беспоименно может записаться в члены – всерьёз не считаются. Всякий прохожий может вступить, разделяет или не разделяет взглядов: «Почему не вступить, – раз даром». И только, когда человек, вступая, делает взнос, – есть основания предполагать, что и он сам серьёзно относится к обществу, и к нему можно отнестись серьёзно. Что же Россия, новая Россия – неужели такое общество, что не стоит в него сделать даже взноса?

Скажут:

– Тогда было буржуазное министерство.

Я думаю, что, – за исключением двоих, г-д Милюкова и Гучкова, – социалистам никогда не иметь более послушного министерства!

Свои ещё посмеют «своё суждение иметь»¹.

Те никогда бы на это не дерзнули.

Свой скажет:

– Я сам социалист. Со мной ещё поспорь!

Те конфузились:

– Разве возможно? А вдруг нас за буржуев примут!

¹ А. С. Грибоедов «Горе от ума». *Прим. ред.*

И в покаянном сознании своей буржуазности, ложась спать и утром вставая с кровати, молились только об одном:
– Боженька! Сделай так, чтоб я дядям-социалистам понравился!

Когда на том же совещании г-н Шингарёв первым словом сказал:

– Прежде всего, я думаю, необходимо пригласить на наши заседания представителей совета рабочих и солдатских депутатов!

Г-н Терещенко немедленно же конфузливо добавил:

– Андрей Иванович предвосхитил мою мысль!

И не их вина, что представители совета не пошли.

В дни свободы слова позвольте свободно сказать то, что думается.

Тут дело не в недоверии к министерству, послушность которого была вне сомнений, а просто в новизне дела.

Государственного дела.

С которым совет тогда ещё впервые встречался.

Две новые шестерёнки, министерство и совет, ещё не приработались друг к другу и страшно рычали.

Явление естественное. Законное. Нормальное.

Новые шестерёнки всегда рычат, пока не приработаются.

Это делают только время и совместная работа.

Великая школа – работа. Она пришлифовывает их к жизни. Так что они подходят вплотную.

Критиковать и мечтать. И нести работу на себе.

Строить из теорий и мечтаний. Или строить из кусков жизни.

Я уверен, что даже г-н Ленин, – я говорю без всякой иронии, потому что приходится относиться с уважением к энтузиазму, даже когда его не разделяю, – даже г-н Ленин, если бы он сделался министром, через две недели удивил бы г-на Зиновьева.

Мы все вот уже три месяца учимся государственному делу.

В этом и заключается захватывающий интерес нашей жизни.

Вся Россия сейчас одна колоссальная государственная школа.

И мы много уж прошли.

Жизнь даёт такие потрясающие уроки, что в один час узнаёшь больше, чем прежде в десять лет. Кипуче, лихорадочно работают народное сердце и народный ум.

Государственная Дума была приходским училищем перед этим всероссийским народным университетом.

Всё, что прежде было скрыто, за стенами, сейчас под стеклом.

Мы видим всё. Каждую малейшую удачу. Малейшую неудачу.

Смотрим с ужасом.

Так студент-медик, впервые присутствуя при операции, смотрит на обнажившееся пульсирующее сердце или на об-

нажѐнный мозг.

С ужасом смотрит.

Потому что страшно смотреть на открытое живое сердце, на обнажѐнный мозг.

Отсюда испуг от революции. Это испуг урока. Испуг учёнья.

И мы многому научились.

Сейчас говорить об отношении займа к выпуску кредитных билетов бесполезно даже на митинге. Вас остановят скупающими возгласами.

– Довольно!

Это знает всякий прохожий.

Мы разогреваем сейчас это блюдо, которое лучше бы было есть горячим.

В социалистических газетах видишь объявления о займе.

Заём проповедуют ветеран революции Вера Засулич, вступившаяся за поправное достоинство человека ещё тогда, когда в России не только наверху, но и внизу мало кто думал о том, что у человека есть ещё и достоинство, и последние герои, волынцы, первыми вступившие на последний, победный, бой за свободу, жертвовавшие собой, арестованные, которых расстреляли бы, если бы победа революции запоздала хоть на один день.

Бог земли русской, помоги им раздуть искры в полупотухших головнях в огромное яркое пламя.

Если уж не было энтузиазма восторга, – то пусть хоть

вспыхнет энтузиазм отчаянья.

V

Но кто поражает больше всего в вопросе о займе, – это имущие классы.

Вы, г-да капиталисты!

Если рабочим понадобилось время, чтобы пройти в школе государственной жизни эту новую, неизвестную им главу об отношении займов к выпуску кредитных билетов, – то вам-то, только и имеющим дело что с рублём, должно быть хорошо известно, что за зыбкая величина этот самый рубль.

Если вы не знаете, – спросили бы у профессоров, которые с такой нежностью и заботливостью наполняют ваши банки и правления.

Ведь, вы-то понимаете и с самого начала должны были понимать в каком безвыходном, огненном кругу мечется Россия.

Зачем же вы даёте смыкаться этому кругу?

Ведь, вы-то понимаете, что здесь начала сходятся с концами, следствия – с причинами.

Что если сегодня рабочие ужасают вас, как вы уверяете, своими непомерными требованиями, то завтра, когда рубль ещё упадёт, а жизнь, благодаря этому, ещё больше вздорожает, – они предъявят, вынуждены будут предъявить требования ещё непомернее.

Что этому нет конца.

Что это винтовой круг, который всё глубже и глубже ввинчивается в русскую жизнь.

Вот мы сейчас, для поправки нашего разбитого транспорта, должны получить в долг паровозы и вагоны из Америки.

По каким же бешеным ценам, при теперешнем курсе рубля, достанется это нам?

В какие бешеные долги мы сейчас лезем за всё, что получаем из-за границы?

Что ждёт нас, – что ждёт вас, ваших детей?

Ведь, вы же прекрасно понимаете, что если у вас сто рублей, то выгоднее, – выгоднее, – отдать 30 рублей на заём, чтобы удержать остальные на уровне хоть тридцати рублей.

Чем сохранить сторублёвую бумажку, которой цена будет десять.

Рабочие, которые, быть может, потому, что они не верили «буржуазному правительству», быть может, потому что не прошли ещё этого урока государственной жизни, были против займа.

Самый энтузиазм к нему казался им подозрительным.

Они были прямы.

Вы сыграли комедию энтузиазма.

В Москве, например, в ответ на речь г-на Терещенко, вы объявили, что подписываетесь на четверть основных капиталов своих предприятий.

Сколько же подписалось?

Мы хотели бы, чтобы эти благородные имена стали из-

вестны. Чтобы мы, русские граждане, знали, кого помянуть в своих гражданских молитвах.

Да кстати уж, чтобы знали и имена «дезертиров займа».

Что ж заставляет вас сидеть на деньгах, которые в ваших сундуках превращаются в мусор.

Что это?

Неверие в Россию?

Если все мы будем в неё не верить, она оправдает ваше неверие. И рухнет.

Нечто преднамеренное?

Вы ждёте, чтоб сомкнулся огненный круг. Революция превзошла ваши ожидания.

– Пусть смыкается. Чем хуже, тем лучше.

Или это просто дрожь:

– Деньги всегда деньги.

И припрятать их всегда лучше.

Позвольте предложить вашему вниманию то, что старинные летописи рассказывают о падении Царьграда.

Когда Мехмед-завоеватель подошёл уже к Босфору, – заметался Константин, последний император Византии.

Тогда можно было нанимать войска.

Он обратился к богачам Константинополя:

– Дайте ваши сокровища. Наймём на них войска у соседних народов и отобьёмся.

Но богачи, говорят летописи, – сказали в сердце своём:

– Бог один знает, что ещё ждёт нас впереди.

Сохранить свои богатства всё-таки благоразумнее.

И не дали даже части своих богатств на спасение родного города.

И закопали сокровище свои в землю.

И Мехмед осадил Царьград.

И взял его.

И храм св. Софии наполнился трупами. На коне взлетел Мехмед на гору трупов, обмакнул руку в крови и ударил ею по колонне:

– Этот храм я посвящаю Единому Богу!

Янычары кинжалами вырубили на колонне отпечаток руки Мехмеда:

– Как никто не сотрёт с этой колонны отпечатка кровавой руки, так никогда больше не будет Константинополь под властью неверных!

Так погиб Царьград.

И богачи его.

И богатства их, зарытые в землю.

Когда рушится Россия, рушится всё, рушатся все.

Только нищие ничего не потеряют.

Остальные потеряют всё.